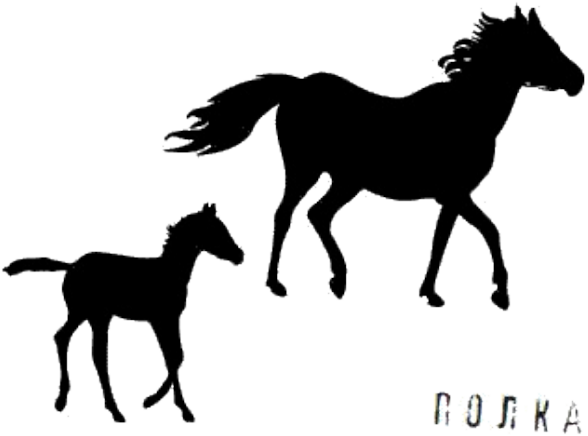


ПОЛКА ТРЕТЬЯ

Мариэтта Чудакова

Не для взрослых. Полка третья

Серия «"Время" читать!»

Знаменитый историк литературы XX века, известный в мире знаток творчества М. Булгакова, а также автор увлекательного детектива для подростков «Дела и ужасы Жени Осинкиной» рассказывает о книгах, которые во что бы то ни стало надо прочесть именно до 16 лет – ни в коем случае не позже! Многие из вас, дорогие читатели, уже познакомились с «Полкой первой» и «Полкой второй» из этой серии книг, теперь перед вами – «Полка третья».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я продолжаю разговор о тех книгах, которые вам нужно бы успеть прочесть до шестнадцати. Потому что, как я не раз поясняла, позже, во «взрослые» годы, если кто и возьмется (что вряд ли) читать эти книги впервые, – удовольствия-то настоящего уже не получит.

Но как-то, обсуждая с Машей Чудаковой возможные дальнейшие темы для книжек «Не для взрослых», мы пришли к неожиданной, но простой мысли. Поняли, что надо бы еще рассказывать время от времени о писателях – главным образом европейских, – читать которых можно с одинаковым удовольствием в любом возрасте, но познакомиться с ними все же стоит пораньше. Потому что довольно глупо, окончив среднюю школу, не знать, например, ни строчки Мопассана.

И тогда было решено, помимо рассказа о книгах, которые очень важно прочесть до шестнадцати, рассказывать понемножку и о тех сочинениях Мопассана, Флобера и других, с которых лучше всего начинать знакомство с этими знаменитыми писателями.

Потому на этой – третьей – полке, на которой я расставляю для вас только те книги отечественной и мировой литературы, которые обязательно стоит прочитать, будет еще второй небольшой раздел, в котором для вас представят на этот раз сочинения Мопассана, Флобера и Джека Лондона (вот его-то уж точно – чем раньше прочитаешь, тем лучше).

В первом – главном – разделе немало говорится о поэзии. Тут надо иметь в виду, что если человек не читает, не воспринимает, не чувствует стихи в детстве и отрочестве – скорее всего, мир поэзии будет потерян для него навсегда.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

НЕПРЕМЕННО УСПЕТЬ ПРОЧИТАТЬ ДО ШЕСТНАДЦАТИ!

ПРО ЗВЕРЯТ

1

Первые мои воспоминания об этой писательнице такие. Мне семь лет. Я уже два года как целыми днями читаю – и страшно радуюсь каждой новой детской книжке. Я еду с мамой в метро. Сижу на очень мягком, пружинящем сиденье (сейчас вагоны с такими сиденьями остались в Москве – и то в небольшом количестве – только на одной ветке, идущей от станции «Александровский сад»), впившись в тоненькую книжку со странным, но притягательным названием: «Кинули».

Буквы страшно прыгают у меня перед глазами (впоследствии я не раз думала, но так и не додумалась – почему, когда я стала взрослой, в том же самом московском метро буквы перестали прыгать?..). Но я не выпускаю книжку из рук и не перестаю читать – очень интересно! И всем-всем, кому сейчас семь лет, я очень советую ее поскорее, не медля, начать читать.

«Кинули – это львенок. Родился он в Зоопарке. Назвала я его так потому, что его кинула мать. Почему львица не стала кормить детенышей, сказать трудно. Они ползали по клетке, пищали, а она ходила мимо них и как будто не замечала. На другой день после рождения трое львят погибли, а четвертого – самого маленького – успела забрать я».

Он был совсем холодный, не двигался, и его пришлось положить в страусиный инкубатор. Сама Чаплина осталась с ним на ночь. «…А чтобы дома не беспокоились, позвонила и сказала: „Ждите меня завтра со львенком“. Мама в ответ только ахнула». Зато соседка подняла такой крик, что сбежалась вся коммунальная квартира (напомню, что после революции отдельных квартир почти не осталась – ко всем подселяли чужих людей, которые вынуждены были толкаться на общей кухне и, конечно, ссорились). «…Все наперебой кричали, что меня выселят, что заявят в милицию, и вообще было столько крику и угроз, что я не дослушала и повесила трубку».

И вот наутро она везет львенка в трамвае. Спрятала за пазуху под пальто, а он стал там возиться и царапаться – «и вдруг пронзительно мяукнул. Мяукнул – если только можно так назвать этот протяжный, хриплый звук, похожий на скрип двери».

В книжке были, конечно, иллюстрации – не рисунки, а настоящие фотографии львенка! Их можно было рассматривать без конца – такой симпатичный был этот львенок.

Изданная давно, еще до Великой Отечественной войны, до моего рождения, эта повесть была частью библиотеки моих старших братьев. Но тогда я, конечно, еще не очень-то интересовалась годом издания. Просто радовалась, что мне досталась такая замечательная книжка. Фамилия автора – Чаплина – меня тоже увлекала. Я откуда-то уже знала, что есть такой потрясающий комический американский киноактер – Чарли Чаплин. Хотя я и понимала, что вряд ли есть какая-то связь между этими людьми, знакомая фамилия все равно очень нравилась.

2

Только через много-много лет я узнала, что это была фамилия деда автора книжки – замечательного русского ученого, инженера и педагога Владимира Михайловича Чаплина, в доме которого на Большой Дмитровке она выросла. В 1905 году он придумал такую систему водяного отопления, которая применяется до сих пор. Профессор Чаплин преподавал в знаменитом Московском училище живописи, ваяния и зодчества (это здание и сегодня возвышается на Мясницкой, напротив почтамта). Но не только преподавал. Он воспитал и выучил на свои личные средства нескольких детей бедных служащих, у которых не было денег, чтобы содержать своих детей на время учебы. Среди тех, кого Чаплин, можно сказать, поставил на ноги, был и один из самых знаменитых наших архитекторов – К. С. Мельников. Он стал одним из главных представителей нового течения в архитектуре XX века – конструктивизма. Я жила в Сокольниках и каждый день ходила мимо спроектированного им в 20-е годы необычного здания – клуба им. Русакова, а иногда бегала туда в кино. И с раннего детства знала – со слов старшего брата – архитектора, который впоследствии написал большую книгу о Мельникове, – кто именно автор этого здания.

А Чаплин не только дал возможность мальчику Косте в начале XX века подготовиться к поступлению в Московское училище – он еще и настоял, чтобы тот занялся именно архитектурой: видно, рано разглядел его талант. Сохранилась фотография – на ней подросток Мельников вместе со всей семьей Чаплиных. И впоследствии, вспоминая о своем воспитателе, Мельников написал коллеге в Америку: «американцу трудно представить, что в России были и есть натуры, способные бескорыстно творить Добро». Не знаю, что думали тогдашние американцы о России, но у них-то самих всегда очень принято было помогать бедным. А в России в советское время частная благотворительность оказалась под запретом – считалось, что обо всех позаботится государство. К тому же и запрещение иметь частную собственность лишало людей реальной возможности оказывать такую помощь.

Сегодня многие богатые люди дают огромные средства на лечение больных детей, на помощь детским домам, на стипендии способным и небогатым студентам. Но наше

общество знает об этом, к сожалению, гораздо меньше, чем о стоимости дорогих яхт этих людей.

Не приходится удивляться, что в доме такого деда выросла добрая и чувствительная девочка. Свои чувства она обратила на тех, кому может помочь и ребенок, – на «братьев наших меньших», как назвал их в своих стихах Есенин.

В годы Гражданской войны десятилетняя Вера потерялась – осталась без семьи. И попала в Ташкенте в детский дом. Впоследствии она вспоминала об этом таком тяжелом для нее времени: «Только любовь к животным помогла мне пережить это первое большое горе. Даже находясь в детском доме, я ухитрялась держать щенят, котят и птенцов… Днем я выносила своих питомцев в огромный сад около дома, а на ночь тащила их в спальню и прятала кого в тумбочку, кого под кровать, а кого себе под одеяло. Иногда кто-нибудь из воспитателей обнаруживал моих питомцев, и мне здорово попадало».

Пять лет спустя Веру разыскала мама и привезла в Москву. И она стала ходить в Московский зоопарк, в кружок юных биологов. И всерьез занялась изучением жизни зверей и животных – особенно тем, как сделать так, чтобы в неволе им не было слишком грустно. Она стала сотрудницей зоопарка и придумала, например, площадку молодняка, где учила разных зверят дружить между собой и с теми, кто лишен клыков и когтей. И москвичи очень полюбили эту площадку, где все мирно уживались друг с другом и волчата кувыркались с зайчатами и козлятами. Около этой площадки всегда толпился народ. Мне кажется даже, что это необычное зрелище кое-чему учило людей.

…Вот почему Вера Чаплина и везла к себе домой из зоопарка крохотного львенка, к судьбе которого нам пора вернуться.

3

Когда львенок замяукал в трамвае, его новая хозяйка вышла поскорей на площадку, чтоб ее не высадили. И когда под секретом сказала одному, особенно настырному, что у нее за пазухой – львенок, так пока доехала – у нее на площадке перебывал весь вагон: все хотели посмотреть на живого львенка, хоть и очень маленького. А когда выходила – «высунулся кондуктор и закричал:

– Гражданка, что же вы мне-то льва не показали?

Пришлось показать и ему».

А дальше пришлось выбирать ему соску в аптеке – ведь пить из блюдца новорожденный львенок еще не умел.

«Долго искала я нужную. Одна была слишком жесткая, другая – большая, третья – маленькая. Продавщица меняла их несколько раз. Но я никак не могла подобрать годную. Наконец продавщица потеряла терпение и заявила мне, что если я сама не могу выбрать соску, пусть приходит мать. Пришлось объяснить, что мать – львица, сидит в клетке и прийти не может, что каждая потерянная минута будет стоить львенку жизни. В доказательство мне пришлось показать продавщице самого львенка.

Я никогда не думала, что это произведет такое впечатление. В одну минуту передо мной лежали все соски аптеки. Вероятно, у продавщицы это был первый случай, когда она продавала соску не для ребенка, а для звериного детеныша».

Дома Кинули уложили на мех от старой шубы – и еще положили под мех бутылочки с теплой водой – «и львенок в этом гнездышке лежал, как будто около матери».

А потом для него стали искать собаку – вместо няньки. И нашли в зоопарке шотландскую овчарку Пери, очень добрую и послушную.

«К новому своему подкидышу Пери отнеслась очень недоверчиво… Когда я положила к ней львенка, собака зарычала, старалась удрать. Пришлось держать ее силой. Но постепенно Пери привыкла к своему необычному питомцу, стала его вылизывать, а это означало, что Кинули усыновлена. Теперь можно было не бояться, что Пери ее обидит или бросит. Наоборот, когда подходили чужие люди, она беспокойно ворчала, оберегая львенка, боясь, как бы его не обидели. В собаке, у которой даже не было молока, вдруг проснулся материнский инстинкт».

Ну и, конечно, около львенка дежурили дети – по расписанию, которое сами составили. Кому же не захочется дежурить около львенка! Весь двор им завидовал.

На шестой день у Кинули открылись глаза. У кого были дома котята или щенята, те помнят, как ждешь-ждешь – когда же у них глаза откроются… «Сначала левый глазок, потом правый. Глазки были похожи на щелки и слезились. Ушки у нее поднялись, а ярко-красные губы стали розового цвета. Меня Кинули узнавала сразу. …Стоило мне только поднести к ней руку, как Кинули все бросала и ползла ко мне».

У нее были синие глаза – такие синие, что даже зрачка не было видно. А видела она плохо. «Идет по комнате и на все

натыкается. Уткнется головой в ножку стула, а как обойти ее – не знает. Постоит-постоит и повернет обратно. Ходила Кинули вперевалочку, как утка. Ноги у нее заплетались, и падала она не на бок, а сразу на спину, совсем как заводная игрушка».

4

А потом немножко подросла и очень полюбила играть в прятки. Да-да! Дети придут, станут у дверей ее комнаты и шепчут в замочную скважину: «Кинули! Иди сюда, Кинули!» Она вскочит – и к двери. «Поднимется на задние лапки, передней за ручку потянет, откроет и выскочит в коридор. А в коридоре уже никого нет: попрятались ребята.

Ходит Кинули, ищет их. Ищет в темной ванной, за дверями, в передней. Везде посмотрит. Найдет и сама прячется. Самое ее любимое место было за шкафом. Место узкое, тесное, Кинули в нем едва умещалась. Знают ребята, где спрятался львенок, да найти сразу нельзя – уйдет и больше играть не будет». Приходилось делать вид, что ищут, пока сама не выскочит.

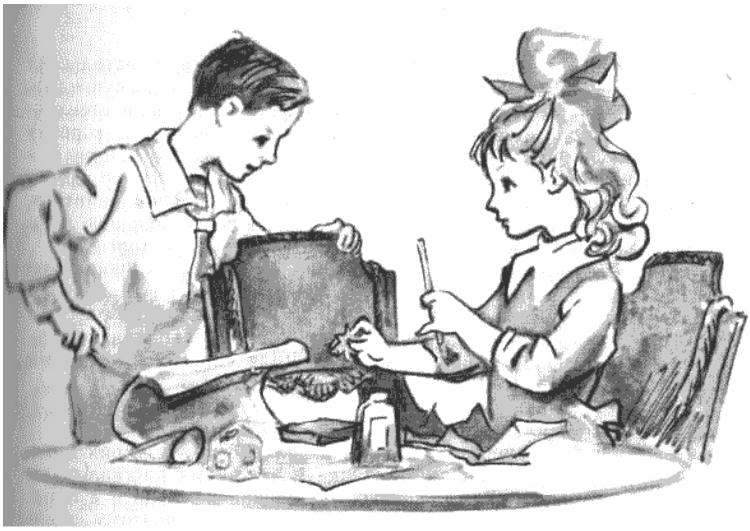
Подросла еще немножко. (Я пропускаю здесь целую историю, как взяли еще маленького рысенка и как пришлось его отдать – сами прочитаете, когда найдете книжку «Кинули».) И приехал в отпуск муж хозяйки Веры Вася. И Кинули очень не понравилось, что он вселился в ее комнату. Ее раздражали даже его вещи. Он оставил раскрытый чемодан, она все вещи раскидала, одну рубаху порвала, другую стала рвать… Ночью не давала спать – то одеяло стащит, то подушку. «Немало она испортила вещей – пальто разорвала, занавески. Ничего оставить нельзя! Бывало, Васю к телефону зовут, а он с собой постель тащит».

Тогда не все еще понимали, что взрослых хищников ни в коем случае нельзя держать дома. Но Вера Чаплина очень хорошо их изучила. И когда Кинули исполнился год, она отдала ее в свой зоопарк – где, как понимаете, с ней не расставалась. К тому же кто-то должен был отвечать на письма – после выхода книжки они шли к Кинули от детей со всей страны.

Потом началась война, Вера Чаплина с частью животных эвакуировалась в Свердловск. И как она встретилась два года спустя с Кинули, вернувшись в Москву, – об этом спокойно читать невозможно.

Чаплина написала еще много книг про зверей. Они часто переиздаются. И буквально любую из них можно покупать и начинать читать. Не ошибетесь! Конечно, если только вы неравнодушны к животным.

А впрочем – после чтения книг Веры Чаплиной вы уж точно станете неравнодушны к ним и будете защищать их от равнодушных.



СЧАСТЬЕ ДЕТСТВА

1

«Счастливая, счастливая невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней?»

Кто уже прочитал «Детство» Льва Толстого, тот наверняка запомнил это восклицание в начале одной из глав. В раннем детстве не очень-то оценишь эти слова. Но лет в двенадцать… четырнадцать… Когда уже появляются воспоминания о своем, увы, прошедшем детстве – счастливом времени, когда нет еще ни школы, ни уроков, мало обязанностей по дому, – тогда эти слова вызывают невольный грустный вздох. Вот уж правда – и счастливая, и невозвратимая пора…

Почти все писатели – ну, большинство, по крайней мере, – рано или поздно берутся писать о детстве. И там обязательно появляется немало автобиографического – то есть того, что помнится из того времени самого светлого. И даже когда детство довольно-таки ужасное – как, например, в «Детстве» Максима Горького (то есть Алексея Максимовича Горького, настоящая фамилия Пешков), едва ли не самой лучшей его книжке, – то все равно и там найдется немало трогательных страниц: например, о доброй, любящей бабушке.

Был в России такой писатель – Алексей Николаевич Толстой. Он родился в 1882 году в Заволжье – то есть в тех

местах, что простираются за левым берегом средней части Волги, примерно до Урала. (А если вы знаете города Заволжск и Заволжье – как раз на правом берегу, – так это их назвали так уже в 1950—1960-е годы. Тогда советская власть не очень-то считалась с традиционными историко-географическими представлениями.)

Так и названа одна из первых его повестей – «Заволжье».

Там, в именье отчима, прошло его детство.

Вскоре после Октябрьского переворота А. Толстой вместе с семьей – женой и родившимся в 1917 году сыном Никитой – покинул Москву, где резко изменилась к худшему жизнь, начиналось голодное и холодное время. Он попал в Одессу, а оттуда – в эмиграцию: сначала в столицу Турции Стамбул, потом – в Париж, а через два года – в Берлин.

И в 1923 году принял решение вернуться в Россию – теперь уже в советскую. Это его решение, а также дальнейшая жизнь и работа в качестве советского писателя – тема большая и сложная. О ней мы говорить на этих немногих страницах не будем. А речь пойдет о повести, которую он написал в 1920 году в Париже, – «Детство Никиты». На мой вкус – самом замечательном его сочинении.

Правда, еще стоит помнить, что он же пятнадцать лет спустя написал «Золотой ключик, или приключения Буратино» – не перевел, а талантливо пересказал, очень многое придумав по-своему, одну итальянскую сказку про деревянного человечка. Но про Буратино и голубоглазую Мальвину, про ее пуделя Артемона, а также про торговца пиявками, про старую черепаху Тортиллу и многих других вам, наверно, давно прочитали взрослые – еще когда вы не умели читать.

А в старших классах неплохо бы прочитать и объемистый роман «Петр Первый». Уже несколько поколений читателей с удовольствием цитируют почему-то всем запомнившуюся наизусть первую фразу романа, начинающегося в деревенской избе: «Санька соскочила с печи, задом ударила в забухшую дверь».

Но «Петра Первого» можно, честно говоря, прочитать в любом возрасте. И потому вернемся к «Детству Никиты», которого можно прочитать или в детстве-отрочестве, или никогда.

В мои руки эта скорее тонкая, чем толстая книжка попала, когда мне было семь лет.

Прекрасно помню тот замечательный день. Ранняя весна, яркое мартовское солнце заливает нашу комнату. Я сижу почему-то на полу, на старом вытертом ковре, который называют «палас», и читаю, испытывая непрекращающееся чувство счастья. Квадратики солнца (от оконного переплета) на ковре каким-то образом это чувство усиливают – тем более что и в повести, которую я читаю, тоже все время льется солнечный свет.

…Читаю – а сама то и дело поглядываю: сколько осталось до конца. И очень огорчаюсь, что остается все меньше и меньше. Потому что читаю я быстро, взахлеб. Но остановиться или начать медлить – нет никаких сил. Мне нравится каждая страница, и чем дальше – тем больше.

Первая глава как раз так и называлась – «Солнечное утро»: «Никита вздохнул, просыпаясь, и открыл глаза. Сквозь морозные узоры на окнах, сквозь чудесно расписанные серебром звезды и лапчатые листья светило солнце. Свет в комнате был снежно-белый…

…Никита вылез из кровати и на цыпочках прошелся по горячим солнечным квадратам на полу…

В это время дверь приотворилась, и в комнату просунулась голова в очках, с торчащими рыжими бровями, с ярко-рыжей бородкой. Голова подмигнула и сказала:

– Встаешь, разбойник?»

Это был Никитин учитель, Аркадий Иванович.

Вы подумаете: «Какой еще учитель? Он ведь еще не учится и вообще дома проснулся!..»

Но в том-то и дело, что когда я написала вначале о счастливом времени детства – без школы, без уроков, – то к детям из дворянских семей и вообще из семей высокообразованных это вовсе не относилось. Задолго до гимназии, с довольно-таки раннего детства им нанимали домашних учителей. И те каждый день занимались с детьми всеми предметами, а особенно языками.

Учителя эти были, конечно, разные. Вон Петруше Гриневу в «Капитанской дочке» наняли француза Бопре, который «в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être ouchitel, не очень понимая значения этого слова». Дальше Пушкин рассказывает, что из этого вышло: «Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, но он предпочел наскоро

выучиться от меня болтать по-русски – и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу». Ну, и понятно, чем это должно было кончиться – в один прекрасный день батюшка Петруши прогнал француза «со двора, к неописанной радости Савельича. Тем и кончилось мое воспитание».

Но это – русский XVIII век. В конце XIX века все уже обстоит по-другому. И, конечно, – иначе, чем у нас в XXI.

«У стола за самоваром сидела матушка в сером теплом платье. Она взяла Никиту за лицо, ясными глазами взглянула в глаза его и поцеловала.

– Хорошо спал, Никита?

Затем она протянула руку Аркадию Ивановичу и спросила ласково:

– А вы как спали, Аркадий Иванович?

– Спать-то я спал хорошо, – ответил он, улыбаясь непонятно чему, в рыжие усы, сел к столу, налил сливок в чай, бросил в рот кусочек сахару, схватил его белыми зубами и подмигнул Никите через очки.

Аркадий Иванович был невыносимый человек: всегда веселился, всегда подмигивал, не говорил никогда прямо, а так, что сердце екало. Например, кажется, ясно спросила мама: „Как вы спали?“ Он ответил: „Спать-то я спал хорошо“, – значит, это нужно понимать: „А вот Никита хотел на речку удрать от чая и занятий, а вот Никита вчера вместо немецкого перевода просидел два часа на верстаке у Пахома“.

Аркадий Иванович не жаловался никогда, это правда, но зато Никите все время приходилось держать ухо востро.

… – Идем заниматься, – сказал Аркадий Иванович, встал решительно и быстро потер руки, будто на свете не было большего удовольствия, как решать арифметические задачи и диктовать пословицы и поговорки, от которых глаза слипаются.

…Аркадий Иванович раскрыл задачник.

– Ну-с, – сказал он бодро, – на чем остановились? – И отточенным карандашиком подчеркнул номер задачи.

„Купец продал несколько аршин синего сукна по 3 рубля 64 копейки за аршин и черного сукна…“ – прочел Никита. И сейчас же, как и всегда, представился ему этот купец из задачника. Он был в длинном пыльном сюртуке, с желтым унылым лицом, весь скучный и плоский, высохший. Лавочка его была темная, как щель; на пыльной плоской полке лежали два куска сукна; купец протягивал к ним тощие руки, снимал

куски с полки и глядел тусклыми неживыми глазами на Никиту».

3

Но зато наступает день, когда Аркадий Иванович объявляет, что сегодня заниматься не будем. «Две недели можешь бегать, высуня язык».

И Никита вспоминает: «– Рождественские каникулы!»

Появляется множество интересных дел – например, вместе с дворовыми мальчишками вести бой на снегу, стенка на стенку.

А в один прекрасный вечер за окном – скрип снега, голоса. «…Тяжело отворилась обитая войлоком дверь и появилась высокая и полная женщина в двух шубах и в платке, вся запорошенная снегом. Она держала за руку мальчика в сером пальто с блестящими пуговицами и в башлыке». Заметим, что такое пальто безусловно означало, что мальчик – гимназист. И действительно – Виктор оказался второклассником, важно и гордо рассказывал на другой день Никите о строгостях в их гимназии: «…Меня постоянно без обеда оставляют».

«…За ними, стуча морозными валенками, вошел ямщик, с ледяной бородой, с желтыми сосульками вместо усов, с белыми мохнатыми ресницами. На руках у него лежала девочка в белой, мехом наверх, козьей шубке. Склонив голову на плечо ямщика, она лежала с закрытыми глазами, личико у нее было нежное и лукавое».

Это к матери Никиты на рождественские каникулы приехала с детьми из Самары ее приятельница. «Сын ее Виктор, ожидая, когда с него снимут башлык, глядел исподлобья на Никиту. Матушка приняла у кучера спящую девочку, сняла с нее меховой капор, – из-под него тотчас рассыпались светлые, золотистые волосы, – и поцеловала ее.

– Лилечка, приехали.

Девочка вздохнула, открыла большие синие глаза и вздохнула еще раз, просыпаясь».

И жизнь Никиты сразу круто изменилась.

4

Наутро за завтраком Лиля, девочка «лет девяти», была одета «в белое платье с голубой шелковой лентой, завязанной сзади в большой бант. В ее светлых и вьющихся волосах был второй бант, тоже голубой, в виде бабочки.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru